

Пти-Дютайи Шарль, С.П. Моравский

**Феодальная монархия во
Франции и в Англии X–XIII
в.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П87

П87 **Пти-Дютайи Шарль**
Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII в. / Пти-Дютайи Шарль,
С.П. Моравский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 426 с.

ISBN 978-5-458-46414-7

Автор вскрывает особенности и различие обеих монархий и вместе с тем показывает сходство и заимствование в области законодательства и администрации «с одного берега Ламанша на другой». Но действительные движущие силы общественного развития у него не выступают. Социально-экономическое развитие Франции и Англии не показано. Он сосредотачивает все внимание на истории политических отношений, не вдаваясь в более глубокий анализ. Какие классовые силы стояли за монархию — он не выясняет. «Феодализм», «монархия» трактуются им, как какие-то абстрактные идеи, воплощающиеся в истории по законам логики.

ISBN 978-5-458-46414-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чаях превращали буржуазию какого-нибудь города в „коллективного сеньера“, обеспечивали этому новому обществу сносную экономическую жизнь, делавшую быстрые успехи. Наконец, юристы находят возможность координировать и систематизировать обычаи этого строя. В конце занимающего нас периода в „кутумах Бовэзи“ Бомануара (если говорить только о Франции) излагается доктрина, ставящая сохранение цивилизации в зависимость от уважения к взаимным обязанностям, связывающим сеньера и вассала, от соблюдения старых традиционных обычаев и новых законов, созданных феодальной курией. Когда читаешь эти „кутумы“, то кажется, что понятие государства надолго затмилось в умах. А между тем Людовика Святого слушают до такой степени, что он может запретить ношение оружия и, по свидетельству того же Бомануара, издавать обязательные для всех указы (ordonnances). В Англии в течение уже целого века монархия обладает всеми органами управления, и баронам не удается задержать ее успехов.

Этот одновременный рост двух политических систем, из которых одна начинает подавлять другую, вызван причинами фактического характера — завоеванием Англии нормандами, победами Филиппа-Августа, гением некоторых политических деятелей. Но в то же время здесь действовали и причины духовного порядка. Прежде всего, по мере того как феодальный строй превращался в систему, логика заставляла признать, что у феодальной пирамиды имеется вершина: иерархия заканчивается тем, кого Бомануар называет „сувереном над всеми“, монархом; король всячески старается дать ход этому принципу и рано или поздно использовать все вытекающие из него последствия. Феодальная система допускает существование короля. С другой стороны, церковь, т. е. люди, которые думают, мыслят, проповедают и наставляют и которые составляют значительную часть административных кадров и королевских советников, эта церковь хранит и развивает политические доктрины древних авторов, отцов церкви и теоретиков эпохи каролингов. По ее донятиям, должна существовать публичная власть, которая помогает церкви в выполнении ее задачи спасения душ. Королевская власть не была бы нужна, если бы человек был добродетелен; но, чтобы содействовать духовенству в его борьбе с господством греха, необходим король. Опыт последних столетий окончательно доказал это. Обычное право, взаимные обязанности сеньера и его „человека“ не могли заменить государства. Их неспособность обеспечить действительный и устойчивый порядок обнаружилась с полной очевидностью. Феодальный порядок чреват войной, разбоем, скотским удовлетворением страстей, гибелью душ. Вследствие этого церковь верит в божественную миссию королей и внушает эту веру другим. Старания, которые она проявила, изобретая помазание на

царство, присягу при короновании, чудотворную силу королей, а также помогая королям в создании правительственных учреждений, были вознаграждены в конце периода, к изучению которого мы приступаем, появлением Людовика Святого.

В XIII в., в рамках феодального строя, которые она начинает более или менее сознательно ломать, во Франции и в Англии монархия уже могущественна; у нее есть чиновники, войско, финансы, суд и полиция. Она популярна: мистика королевской власти уже создана. Ниже мы рассмотрим, при каких обстоятельствах и кем.

КНИГА ПЕРВАЯ

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ ВО ФРАНЦИИ И В АНГИИ С КОНЦА X В. ДО ОБРАЗОВАНИЯ „АНЖУЙСКОЙ ИМПЕРИИ“

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ХАРАКТЕР ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ КАПЕТИНГОВ

I

СОБЫТИЕ 987 г.

Приступая к изучению развития французской монархии в феодальных рамках, за исходную точку мы возьмем, по традиции, восшествие на престол Гуго Капета в 987 г. Это не значит, что нельзя привести достаточных оснований для выбора другой точки отправления. Уже с конца IX столетия преобразование политического строя благодаря установлению отношений личной зависимости (оммажу), бенефициям и чрезвычайному ослаблению королевской власти было совершившимся фактом. С другой стороны, с этого же времени предки Гуго Капета чередовались на троне с каролингами: Гуго был четвертым из своего рода, который носил корону, и так называемая перемена династии в 987 г. представляет собой не что иное, как прием, придуманный историками, чтобы удобнее расположить факты. Таким образом мы могли бы взять за исходную точку более раннюю дату. Но мы могли бы выбрать также и более позднюю и пренебречь царствованиями Гуго Капета (987—996), Роберта Благочестивого (996—1031) и Генриха I (1031—1060), так как в течение этих трех четвертей века характер королевской власти, ее средства и круг ее действий не отличаются от того, что было при последних каролингах. Лишь во времена Филиппа I (1060—1108) начнут выступать менее смутно очертания монархического управления, а завоевание Англии нормандским герцогом создаст новую проблему.

Однако, взвесив все как следует, мы должны признать дату 987 года лучшей точкой отправления, какую только можно выбрать. В самом деле, именно с этого времени, несмотря на вошедшую уже в обычай избирательность престола, он не возвращался более в род каролингов, а переходил в роде капетингов от отца к сыну. Наконец, то обстоятельство, что

учреждения времен упадка каролингов продолжали свое существование до Филиппа I, даст возможность сделать подходящее введение к изучению политических успехов, достигнутых капетингами.

Для нашего изложения нет необходимости рассказывать о том, как Гуго получил корону¹. Мы ограничимся на этих первых страницах определением того, что представляли собой королевство Франция и капетингская монархия в царствование Гуго, Роберта и Генриха I.

II

КОРОЛЕВСТВО ФРАНЦИЯ

Констатируя бессилие первых капетингов, хочется задать себе вопрос: а существовало ли тогда „королевство Франция“? Не является ли такое „королевство“ лишь своего рода мифом, сохранившимся в уме короля, его слуг и нескольких церковников?

В глазах современников единственная географическая реальность, соответствующая слову „Франция“, — это область, расположенная между Сеной, Маасом и Шельдой. И размеры этой „Франции“ будут все более и более уменьшаться, пока это слово не станет обозначать только северную часть парижской епархии. Когда говорили, „я отправляюсь во Францию“, то этим хотели сказать, что отправляются именно в эту область².

Но несмотря на слабость королей, несмотря на неопределенность выражения „Франция“³, мы все-таки можем признать, что королевство Франция существовало, и притом не только в канцелярских формулах, но в представлении и в языке населения⁴. Было королевство Франция, которое противопоставалось империи, а также христианским и мусульманским княжествам Испании⁵. Капетинги являются королями Франции, потому что в этом их поддерживает устойчивая народная традиция, созданная каролингами: изучение заключительных частей хартий показывает, что их признавали таковыми вплоть

¹ См. классическое изложение Luchair'a о событиях 987 г. и о происхождении рода капетингов (СДХI, I, Введ.), а также F. Lot (СДХХХI, кн. II, прил. XI).

² Библиография в СLXXVII, стр. 209, № 1. В особенности см. СДЖКX, стр. 1—28; ДХII, гл. II; СДХХХII, стр. 187, № 4; СДLXIV, I, стр. 29—36.

³ Такая неопределенность существовала уже и во франкскую эпоху. См. ССLXXXVIII, стр. 337 и сл.

⁴ Формула королевских грамот — *Regnum Francorum*. Уже в текстах X в. попадаетея выражение *Regnum Franciae*; в просторечии, повидимому, говорили „король Франции“, а не „король франков“ (СLСХVI, стр. 320). Что же касается так называемого „герцогства Франции“ (*duché de France*), то во времена каролингов такового не существовало; был только „*dux francorum*“ нечто вроде вице-короля.

⁵ Ср. СДLXXX, стр. 240.

до отдаленных южных границ, по крайней мере *de iure*, если не *de facto*¹.

Итак, в глазах людей того времени существовал король Франции и королевство Франция. Каковы же были границы этого королевства?

Королевство последних каролингов и первых капетингов имело на востоке границу совсем не такую, как теперешняя: начинаясь от устья Шельды и захватывая Ваасскую область и Гент, она шла приблизительно по течению этой реки, оставляя Турнэ и Валансьен Франции, Камбрэ — империи. От истоков Шельды она направлялась с запада на восток до самого Мааса, по эту сторону Геннегау и Мобёжа, которые входили в состав империи. Затем она сворачивала на юг, отделяя Шампань от Лотарингии и далее герцогство Бургундское от Бургундского графства (Франш-Конте) и почти следуя по течению Соны. Для упрощения обычно говорят, что потом она шла вдоль Роны, но в действительности Лиониз, Форез, Вьеннуа, Виварэ находились вне Франции. Зато на юге граница королевства переходила за Пиренеи, от Ургельской епархии до Барселонской включительно, и граф Барселонский Борель взывал о помощи против арабов к своему отдаленному сеньеру Гуго Капету².

Таким образом капетингская Франция не совпадала ни с римской Галлией, ни с теперешней Францией. Верденский договор лишил королей *Francia Occidentalis* (Западной Франции) традиционных границ Галлии, отнял у них значительную часть латинизированного населения, говорящего на романском диалекте, и большинство крупных узловых пунктов римских дорог — Арль, Лион, Трир, Мец, а также удобный доступ к Средиземному морю.

Наступит момент, когда возврат к пределам Галлии станет для королей Франции на долгое время задачей их политики. И они будут находить то препятствие, то опору в неопределенности границ в средние века. В умах людей того времени уже не существовало отчетливого представления о них: понятие сеньерии вытеснило собой понятие государства. Да и давали ли себя знать границы государства материально, чем-нибудь видимым для глаза? Мы в этом очень сомневаемся. Кельты отмечали межу, отделявшую их территории, религиозными памятниками, римляне распознавали границы *civitates*, *pagi* и *vici* при помощи межевых столбов, надписей, рвов и т. п.³. Вполне естественно, что от внешних границ Римской империи той эпохи, когда она включала в себя весь дивили-

¹ ССХХХХ, СДХХХI, стр. 292; СДХХХИИ, стр. 121.

² СДХХХVI, табл. XI; СДХХХVII, стр. 215 и сл.; СДХХХVIII, стр. 19—20, а также работы, цитированные ниже. Относительно империи и „промежуточной области“ (*Pays d'Entre Deux*) в XI в. см. стр. 29.

³ См. главу, написанную Albert'ом Grenier, в ССХХХVII, т. V, гл. V.

зованный мир, не осталось никаких других следов, кроме военных сооружений, возведенных против варваров¹. В средние века, как можно было бы подумать, дело обстояло иначе. Но указаний на это очень мало. Позднее, повидимому, были расставлены межевые знаки вдоль Мааса². В Аргонне, близ Люзи, в XV в. священник велел поставить каменный крест в знак того, что здесь начинались земли империи³. Но в течение периода, который мы здесь изучаем, единственные признаки границ, по крайней мере те, которые нам известны, находятся внутри Франции, например, между Артуа и соседними областями или между королевским доменом и доменом англо-нормандским⁴. Поэтому, по необходимости, должны были существовать спорные территории⁵, и в некоторых случаях население не знало, принадлежит ли оно к империи или к Франции⁶. Когда возникали разногласия, то призывали на помощь тексты, каролингские грамоты, хроники, компиляции вроде той, которая составлена Винцентом де Бовэ, часто обладавшие весьма сомнительной убедительностью. Когда Филипп Красивый потребует, чтобы ему вернули сюзеренитет над *Ostrevent* — землей, которая со времен Верденского договора действительно принадлежала Франции, но потом была присоединена к одному из графств империи, а именно к Геннегау, — то с обеих сторон будут изо всех сил стараться найти доказательства, подтверждающие противоположные утверждения⁷. Граф Геннегау, принуждаемый принести ленную присягу (оммаж) королю Франции, обратится с протестом к папе. *Ostrevent*, как он будет ему писать, принадлежит к королевству Германии, „и это, быть может, явствует с полной очевидностью из регистров и хроник римской курии, властью которой, как думают, был произведен раздел между обоими королевствами“⁸. Но эта надежда оказалась тщетной. И в самом деле, с этим текстом можно сопоставить письмо папы Климента IV к Людовику Святому, в котором он заявляет, что в Риме нет никаких точных сведений относительно франко-германской границы: „Мы не видим ее определения ни в каком письменном документе; хотя мы с давних пор слышали,

¹ См. слово *Limes* в *Real Encyclopädie Pauly* и *Wissowa*.

² **DCLXXXIII**, стр. 27, прим. 2.

³ **CCXXVII**, стр. 9.

⁴ **CCXI**, т. I, стр. 52, 64 и прил. стр. 134—135; т. III, стр. 120; т. IV, стр. I, 40. Впрочем, границы административных округов во Франции в средние века были также неопределенны, как и внешние границы, **CCLXXVI**, стр. 18—20; **CCLXXV**, стр. 50.

⁵ **CCXCII**, стр. 164—165, **CDXXXIV**, стр. 5 и сл.; **DVI**, стр. 374; **DCVI**, стр. 3—4; **DLXXIV**.

⁶ **CCCLXXXIV**, стр. I, 8.

⁷ **DCLIV**, стр. 316 и сл.; **CCXLIII**, стр. 241 и сл.; **CCXLIV**; предисл. и *passim*.

⁸ **XXCVI**, стр. 39.

что в некоторых местах она определяется реками или по церковным провинциям, или по епархиям, но мы не сумели бы ее различить: мы находимся в полном неведении¹.

Лучше всего было опросить местных жителей: их, например, спрашивают, какая у них действует юрисдикция. Но речь шла при этом о праве суда и о сеньерии, а не о суверенитете, и все аргументы были порядка феодального, а не национального. Понятия, связанные с феодальными отношениями, были сравнительно ясными, но идея государства, государственных границ, национальности была окутана туманом.

Было ли правильно пользоваться аргументами, взятыми из области феодальных отношений, для рассеяния тьмы, окружавшей эту идею? Никоним образом. Сеньерия и суверенитет не всегда совпадали. Можно было быть вассалом короля, не будучи его подданным, и это никого не тревожило: понятия „подданный“ не старались выяснить. Были сеньеры, имевшие владения по ту и по другую сторону границы², как например, графы фландрский, шалонский, маконский, сеньер Божё, аббат Болье, граф Валентинуа и т. п., даже граф тулузский, который (по графству Прованскому) приносил ленную присягу (оммаж) императору; но что еще более характерно, существовали сеньеры империи, которые были вассалами других сеньеров империи по землям, расположенным в королевстве Франции и не бывшим вовсе чересполосными владениями: так, граф де Бардержал ганский лен близ Сент-Менегу от верденского епископа³; с другой стороны, существовали французские сеньеры, бывшие вассалами императора по землям, расположенным в королевстве Франции: в продолжение целого столетия графы шампанские были вассалами Гогенштауфенов по трем французским владениям⁴; и после того как граф Генрих принес ленную присягу (оммаж) за эти три лена Фридриху Барбароссе, король Франции не имел по отношению к ним никаких феодальных прав, но тем не менее они здесь оставался королем. В другом месте, а именно в „Barrois mouvant“ он, начиная с 1301 г., будет сеньером, но не будет еще королем, и Жанна д'Арк родится в этой области, в одном из кварталов Домреми, который, будучи зависим от Карла VII, принадлежал к бальяжу Шампани, а в качестве имперской территории — к бальяжу Барруа⁵.

В данном случае люди короля будут трудиться над отождествлением феодальной зависимости с суверенитетом; но в других случаях они станут стараться о том, чтобы эти понятия различались.

¹ LXXII, IV, № 5439.

² CCCLXXXIV, I. Введение.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 15 и сл.

⁵ DI, ч. 1-я

РАЗДРОБЛЕННОСТЬ ФРАНЦИИ В XI В. — КРУПНЫЕ СЕНЬЕРИИ

Внутри этой границы все представляет собой разнообразие и пестроту. И не только феодальный строй придавал Франции вид страны, находящейся в состоянии анархии; к тому же этот строй еще не был закончен и находился в процессе стихийного образования; его центробежная сила еще не достигла полного развития, наследственность ленов не получила еще систематического признания, и за королем оставалось право отобрать земли, которые он давал в качестве бенефиция («*par don benefical*»).

Но и все стремились к бесконечному разнообразию: язык, нравы, частное право. Шесть веков грандиозных передвижений народов прямо или косвенно разрушали единство Галлии римских времен. Несмотря на великую способность латинского языка поглощать другие языки¹, во Фландрии и далее, вплоть до Булуны, говорили на одном из германских наречий, в Бавье говорили по-скандинавски; кельты, изгнанные из Великобритании англо-саксами, вновь внедрили кельтский язык в Арморике, которую стали называть „Малой Британией“; наконец, гасконцы, наводнявшие, начиная с VI в., область между Пиренеями и Гаронной, принесли с собой, по крайней мере в юристую ее часть, язык басков; таким образом в некоторых пограничных областях королевства господствовало население, говорившее на чуждом языке, грубое и дикое, и церкви понадобилось много времени, чтобы подчинить его своему духовному господству. Что же касается областей, в которых был распространен романский язык, то там говорили на разных его наречиях². По мере удаления от Альп и Средиземного моря латинский язык все более и более терял свои первоначальные формы. Но эти изменения становились более заметны в северном направлении, чем в западном; и на юг от извилистой линии, начинающейся у устья Жиронды и кончающейся близ Анжонэ, существовал ряд наречий, отличавшихся тем, что они сохранили латинское произношение, но без ударения „а“; из них и образовалось то, что сами южане называли „*lingua romana*“, а филологи не совсем правильно называют теперь „провансальским языком“.

Можно было подчеркивать то, что были переходные формы, незаметные искажения, уклонения, но в общем такое разграничение не противоречит исторической действительности. Этому более верному сохранению вульгарной латыни соответствовали обычное право, пропитанное римским правом³,

¹ ССН, стр. 81—116.

² См. резюме, сделанное в ССІ, т. I, стр. 296 и сл.

³ См. карту писанного права, в общем вполне соответствующую карте филологической, в DCLXXIV, в конце т. II, или же у I. Brissaud, Cours d'Histoire du droit français, т. I, 1904, стр. 152.

а также обычаи, одежда, своеобразный склад ума и духовной жизни, которые удивляли северян и, конечно, приводили их в смущение¹.

Но как бы ни была велика пестрота Франции в XI в., не следует воображать себе эту Францию просто в виде мозаики, составленной из мельчайших сеньерий. Великим препятствием, затруднявшим поддержание могущества монархии, было как раз то обстоятельство, что над этим распылением маленьких ленов и аллодов везде во Франции существовали княжества, герцогские и графские династии, обычно основанные каролинскими чиновниками и часто более могущественные, чем королевский род.

И в самом деле, они проявляют такую независимость, настолько угрожают королевской власти, что некоторые ученые могли даже оспаривать подчиненность их ей *de iure*. Один из этих ученых утверждал, что в XI в. капетинг был просто главой „этнической группы“ на таком же самом основании, как и другие крупные сеньеры Галлии; что „князь“ — его „пэры“, что они не приносят ему ленной присяги (оммажа) и что среди них он лишь пользуется некоторым первенством². Но тексты не позволяют говорить, что область между Лотарингией и Луарой представляла собой особую „этническую группу“, и они дают право думать, что крупные бароны смотрели на себя, как на „людей“ короля: граф фландрский, герцог бургундский, герцог аквитанский, граф Блуа и Шартра и даже сам герцог нормандский неоднократно выполняли по отношению к нему феодальную военную службу (*service d'ost*) и иногда совершали путешествие в Реймс, чтобы присутствовать при его короновании. Не будем, однако, ничего преувеличивать и сохраним осторожность, к которой нас вынуждают скудость документов и правдоподобие. Мы со своей стороны не думаем, что оммаж и присяга на верность приносились в эту эпоху регулярно при каждом новом восшествии на престол в королевской династии и в династиях княжеских. Но когда обстоятельства это позволяли, королю в этой присяге не отказывали.

Какие же это были крупные княжеские династии? Это следует точно установить, так как не все они были в одинаковых отношениях с капетингами: это можно предположить уже *a priori*, стоит только бросить взгляд на карту, на горы, отделяющие Аквитанию и Лангедок от области Луары и Сены и являвшиеся почти непреодолимыми препятствиями в те времена, когда у короля не было ни администрации, ни собственного войска и когда он сам редко решался совершать отдаленное путешествие.

На юге и в центре сеньеры Каталонии и Руссильона, Лан-

¹ **XCVIII**, стр. 89.

² **CCCLXXXVIII**, а именно, тт. III и IV; ср. **CCCXLIV**, стр. 275—281; **CDXXXIII**; **CCCLXXII**, стр. 159 и сл., 347 и сл.